

Коля (сын В.И. Зарахани) играет в футбол на даче Фадеева в Переделкине, 1947 год. Архив Литературно-мемориального музея А. А. Фадеева. КП: ДМФ 1675/47. И nv. №: ф-256

УТРО НА ДАЧЕ

В автобиографической повести «Трепанация черепа» (1996) поэт, прозаик и переводчик Сергей Гандлевский описывает своё посещение Переделкина. Он рассказывает о писательских дачах, украденной у Евгения Евтушенко собаке и щедром на опохмельный четвертной Александре Межирове.

«То похмельное утро застало разношёрстное общество в Переделкино на драматурговой даче. До этого я бывал на писательской стороне только однажды, совсем желторотым, когда Игорь Волгин водил университетскую литературную студию на экскурсию на дачи Пастернака и Чуковского. Теперь все были помятые после вчера, и что-то надо было предпринимать. Без обычного подъёма, без весёлой сумасшедшинки мы с Аркадием Пахомовым отправились на промысел. Надо сказать, что Аркадий тоже не без способностей к попрошайничеству, но на этом поприще мне он, конечно, неровня. Ему не хватает гибко-

сти, обаяние его несколько однообразно, он бывает груб с женщинами, а главное, ему не присущ дендиизм высокопробного вымогателя. Хотя в вагонном зависании или в уличном кураже я ему в подмётки не гожусь. Однажды они возвращались с Володей Сергиенко в метро с празднования Нового года. Аркадий своим примером увлёк сонных пассажиров, и, спустя два-три перегона, человек пятьдесят грязнули хоровую. Когда Пахомов внезапно вышел на своей остановке, вся ярость отходящих от морока людей обрушилась на Сергиенко.

Не веря в удачу, абы как, мы стали стучаться в писательские дачи.

Нам открывали домочадцы, мы, как-либо перехожие, бубнили свои речевики, и всюду — от ворот поворот. Или они чувствовали нашу похмельную подавленность, или мужья-сочинители приучили домашних жить в поле вымысла, и голыми руками взять их было нельзя. Переругиваясь и вали вину друг на друга, мы зашли на очередной участок. Это оказалась дача Евтушенко. Секретарь, молодой даранин, объяснил, что хозяин в отъезде, в деньгах отказал и вяло посоветовал зайти на соседний участок, к Межирову. Только на участке Межирова я заметил, что за нами увязалась молодая игручая боксёрша в полоску. Она целовалась в прыжке и вообще была уморительна. Из-за угла дачи, толкая перед собой тачку с чем-то таким, показался хозяин. Я к этому поэту всегда относился хорошо, а одно время даже любил. Я не верю, что „Коммунисты, вперёд!“ — просто паровоз. Всё горькое, что можно Межи-

рову сказать, он и сам знает и сказал о себе, а от недавних строчек про американскую негритянскую церковь я застыливо облизнулся:

Все встают, как у нас в СССР говорят, и поют, что бояться не надо.

Ничего, ничего...

Мы выдохлись и вкратце объяснили свой приход. Межиров, заикаясь, ответил, что у него есть четвертной, но он последний и десять рублей нужно вернуть сегодня же, а остальные 15 можно и на днях. Мы поблагодарили и поспешили к магазину, отбиваясь от собачьих поцелуев, как две горничные от приставаний гимназиста.

Уже в совершенно другом настроении, воротив десятку, гремя и позвякивая содержимым холщовой сумки, мы пришли в драматурговы угодья. Репутация наша была спасена, а весёлая боксёрша бурей и натиском лобзаний сразу завоевала благорасположение собутыльников».

РУССКИЙ ЯЗЫК ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

6 июня мы отмечаем двойной праздник: день рождения Александра Пушкина и День русского языка. Поэт оказал заметное влияние на формирование русского литературного языка. Вспоминая его исторический вклад, мы задумались о том, как язык меняется сегодня. Глобализация, клиповое мышление, искусственный интеллект — что и кто влияет на развитие языка в нынешнем культурном контексте? Каким он может стать завтра? Чтобы ответить на эти вопросы, мы обратились к лингвистам, литературоведам и писателям. Их профессиональный взгляд помогает разобраться, что происходит с языком за последнее столетие и как он живёт и меняется на наших глазах.

1. Как известно из школьной программы, Пушкин преобразовал русский литературный язык. Как вы считаете, кто бы мог претендовать на эту роль в XX веке или позже?

МАКСИМ КРОНГАУЗ, ЛИНГВИСТ:

«Вряд ли можно сказать, что Пушкин преобразовал язык: скорее он способствовал формированию литературного языка — отчасти через собственное влияние (ему следовали), отчасти через угадывание. Именно поэтому некоторые его строки необычайно современны. В XX веке такой роли просто нет, литературный язык в целом сформировался, нет ни задачи его создания, ни задачи угадывания его будущего.

Вспомним о других литераторах и их задачах. Например, самые радикальные футуристы (Хлебников, Кручинин) перепридумывали русский язык, но результаты их деятельности близки к нулевым. То есть они имеют литературную ценность, но не лингвистическую (или языковую). Были и другие писатели с очень ярким стилем: от Платонова до Стругацких, от Маяковского до Высоцкого. Ещё бы вспомнил отчасти забытого Василия Аксёнова, которому в 1960-е годы удалось освежить язык русской литературы, но и это роль скорее не Пушкина, а Александра Островского.

Я бы назвал нескольких людей XX века, которые по разным причинам ассоциируются с русским языком. Это диктор Юрий Левитан (если хотите, официальный голос русского языка), языковед Дитмар Розенталь (автор ряда популярных руководств по русскому языку), лексикограф Сергей Ожегов (автор самого известного и переиздаваемого толкового словаря) и, возможно, филолог Дмитрий Лихачёв, ставший образцом и пожалуй, символом российского

Пушкин в парке Горького

Рисунок Ивана Разумова

интеллигента. Все они так или иначе задавали образцы русской речи и русского языка — устно или письменно. Впрочем, я бы рядом с академиком Лихачёвым поставил клоуна и актёра Юрия Никулина: он в жизни, и в творчестве создавал образцы не литературного, а народного языка».

ИРИНА ЛЕВОНТИНА, ЛИНГВИСТ:

«Пушкин не преобразовывал русский литературный язык в одиночку. Это случилось благодаря усилиям множества литераторов, причём с разными взглядами — и архаистов, и новаторов. А Пушкин действительно обобщил их работу. Сейчас литература не в такой степени влияет на развитие языка. На разных этапах творческая лаборатория базировалась на рекламе, журналистике, играх. Сейчас — в наибольшей степени на интернет-коммуникации».

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ, ИСТОРИК ЛИТЕРАТУРЫ:

«Пушкин не преобразовывал русский язык — если мы говорим о языке народа, гостиной или газеты. Он даже не создал стандарт литературного языка, как Ломоносов или Карамзин. Он дал универсальный образец совершенного использования этого языка. Позднее разные писатели давали свои образцы, но уже, конечно, не универсальные. Бродский, например, показал, как можно трансформировать язык советского интеллигента, чтобы ему стали доступны высокие и тонкие материи. Но это одноразовая история. Продолжать писать языком Бродского дальше нет смысла: можно, но неинтересно».

ИВАН РОДИОНОВ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК:

«Пушкин действительно преобразовал язык, причём максимально гармоническим, естественным путём. В XIX веке подобный „волонтизм“ ещё был возможен — всё-таки процент людей образованных или сколько-нибудь грамотных был невелик. В XX веке литератору или учёному сделать подобное было просто не под силу: грамотных и так становилось всё больше, а потом Советы провели ликбез, и с тех пор у нас хотя бы на начальном уровне образовано было почти всё население.

Как увлечь такую массу новым изводом языка? Можно вспомнить футуристов, но от того же Хлебникова в широком обиходе осталось три с половиной слова.

О чём говорить, если сейчас вымер почти весь арбревиатурный советский новояз (кроме, может быть, иронического употребления слова „колхоз“), главенствовавший в двадцатые, да и впоследствии очень даже заметный. XX век и далее — это история масс, в том числе и языковая. И преобразует язык теперь исключительно „народ-языкотворец“. А литератор или лингвист, даже самый талантливый, в лучшем случае лишь его „звонкий подмастерье“.

МАРИЯ ЛЕБЕДЕВА, ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК:

«Я думаю, русский литературный язык не изменит какая-то одна писательница или писатель. Когда так говорят про Пушкина, обычно особо не поясняют, что именно он сделал. Потому в новом фильме „Пророк“ героя Юрия Борисова обязуют читать эп, чтобы хоть как-то передать контраст между традицией и новым видением.

Русский литературный меняется вместе с русским разговорным — попробуйте сравнить книги одного жанра, примерно одного уровня популярности, но разных годов: скажем, советские книги для юношества и современную прозу для подростков».

ЕВГЕНИЯ НЕКРАСОВА, ПИСАТЕЛЬНИЦА:

«Все языковые изменения ХХ века — это совместные усилия. Кто больше всех повлиял? Например, многие авторы и авторки Серебряного века. Во второй половине ХХ века — нонконформисты. А на протяжении последних десяти лет — прозаистки и поэтессы».

МАРИЯ НЫРКОВА, ПИСАТЕЛЬНИЦА:

«Поэзия Серебряного века, как мне кажется, очень сильно преобразила язык: наводнила его неологизмами, разнообразием синтаксических конструкций, усилила внимание к слову в его многозначности. Эти эксперименты были у многих: Андрея Белого, Велимира Хлебникова, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой. Мне бы не хотелось выделять кого-то одного».

АСЯ ВОЛОДИНА, ПИСАТЕЛЬНИЦА:

«Конечно, первыми на ум приходят авангардисты с „Дыр бул щыл“. Затем — советский новояз во всём многообразии НИИЧАВО. Но как специалист по зарубежной литературе я хочу отвесить поклон школе советских переводчиков. Нура Галь, Рита Райт-Ковалёва, Маршак, Чуковский, Паустернак — люди, которые стали мостом между нашей культурой и культурой за тем самым железным занавесом, отчего и занавес оказался не таким уж железным. Советские переводы — внимательные, чуткие и к языку оригинала, и к особенностям русского языка, выверенные стилистически, — не только познакомили нас с большой классикой, но и дали то самое третье пространство, пространство диалога».

2. В 1960-х годах был подготовлен проект реформы русского языка, так никогда и не осуществлённый. Нуждается ли, на ваш взгляд, современный русский язык в каких-либо усовершенствованиях?

МАКСИМ КРОНГАУЗ:

«Ни о какой реформе всего русского языка речь не шла, реформировать язык, в принципе, почти невозможно. В 1960-е готовилась реформа орфографии. Нужна ли такая реформа сейчас? Думаю, что не помешала бы. Есть несколько орфографических проблем, с которыми не справляются не только многие школьники, но и вообще многие носители русского языка — например, это касается удвоенной „н“ в причастиях и прилагательных, слитного и раздельного написания наречий. Но опыт показывает, что реализовать такую реформу практически невозможно, слишком много образованных людей будут категорически против».

ИРИНА ЛЕВОНТИНА:

«Реформа языка едва ли возможна. Вы говорите о реформе орфографии. Серёзных изменений орфографии не предвидится, а небольшие всё время происходят».

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ:

«Язык реформировать по приказу нельзя. Был проект реформы правописания. На мой взгляд, чем реже меняется орфография, тем лучше».

ИВАН РОДИОНОВ:

«Уточнения, исправления двусмысленностей, систематизация правил — такие изменения нужны всегда, и специалисты этой работой постоянно занимаются. Радикальные же преобразования возможны лишь естественным путём. Язык меняется только тогда, когда его меняет народ».

МАРИЯ ЛЕБЕДЕВА:

«Проект реформы 1960-х — очень классный пример того, как живое пытаются унифицировать. Точно так же, как идея „давайте будем писать в кино, что курение вредно, и сразу меньше людей будет курить“. Реформа можно изобрести очень много, сложнее продумать, зачем это делать, какие и для кого будут последствия. Мне кажется, важно помнить, что не все живые существа — тупые, управляемые и нуждаются в нашем мудром наставлении. Язык живой. А живое нуждается только в поддержании жизни».

МАРИЯ НЫРКОВА:

«Я не пуританка и верю, что язык сам себя лечит и калечит, постоянно развивается. Совершенного языка не бывает, любые ошибки через сто лет могут превратиться в норму, а язык будет изменяться с реформами или без них».

ЕВГЕНИЯ НЕКРАСОВА:

«Суть реформы 1960-х была в уловом упрощении. Не уверена, что это нужно, хотя у меня дислексия, и мне не всегда даются окончания длинных причастных оборотов и прочие правила. Но то, что язык должен развиваться свободно и в нём ничего не надо запрещать, — это точно».

АСЯ ВОЛОДИНА:

«Язык — это стихия, а человек — метеоролог. Может ли метеоролог ветер выпустить снегу или подняться ветру? Нет. Он может только предсказать и зафиксировать изменения. Язык совершенствует себя сам. Но после знакомства с сербским языком иногда мне хочется чуть большей лаконичности и очевидности для русского. Сравните громоздкий „пункт обмена валют“ с внятной „меняющейся“.

При этом закон, ограничивающий использование заимствований, приводит к тому, что в некоторых ведомствах нельзя использовать короткий и ясный „питчинг“, а нужно выдавать бюрократическую „очную защиту“. Хотелось какого-то баланса, а вместе с тем изобретательного словотворчества, которое улавливает то, что находится в воздухе».

3. Какие вы могли бы сейчас сделать прогнозы относительно будущности русского литературного языка?

МАКСИМ КРОНГАУЗ:

«Если подходить к вопросу рационально, так сказать, „по науке“, то всё очень плохо. Словарный запас сужается, потому что огромное количество слов раньше мы узнавали из художественной литературы, которую читаем всё меньше. Из речи уходят старые слова и отдельные значения. Правда, появляются новые, но часто за пределами литературного языка. Мы всё хуже понимаем друг друга, но и это неважно, потому что главным нашим собеседником постепенно становится ИИ, и очевидно, что он будет активно влиять на наш язык. К этим страшилкам можно добавить, что мы практически перестали писать рукой, а ведь это мелкая моторика и всё такое. В общем, как обычно, единственная надежда на то, что жизнь опять победит смерть неизвестным науке способом».

АСЯ ВОЛОДИНА:

«ИИ развивается очень быстро, захватывая литературу. Возможно, именно там прятчется какие-то пока что незримые процессы, которые и запустят перемены. Совмещение человеческого и нейросетевого языков — это тоже некое третьяе пространство, которое мы пока только нащупываем».

ИРИНА ЛЕВОНТИНА:

«Язык — территория свободы. Опасений за его будущее у меня пока нет. Он живёт сам по себе, и, более того, в языковом творчестве люди нередко компенсируют невозможность реализовать себя во внеязыковой реальности».

ИВАН РОДИОНОВ:

«Всё с нашим языком в порядке, и так, уверен, будет и впредь. Кто-то, допустим, переживает по поводу англизмов, кто-то ратует за феминитивы. Но язык — живой, и он просто исторгнет всё для него неестественное и оставит то, что важно и значимо. Как бы отдельным людям ни хотелось что-то из него убрать или, напротив, в него добавить».

МАРИЯ ЛЕБЕДЕВА:

«Язык не умирает, язык не деградирует, язык не просил его защищать. Мне очень нравятся инициативы вроде „Тотального диктанта“, хоть это развлечение и не для меня. Это и правда проект про любовь к русскому языку. А агрессия, преты, спасательство и поиск виноватых — это не любовь».

МАРИЯ НЫРКОВА:

«Я думаю, литературный язык будет расширяться, как огромная космическая воронка, вбирая в себя всё, включая арго и сленг, заимствования и ругательства. Это уже происходит, и это круто».

ЕВГЕНИЯ НЕКРАСОВА:

«Русский литературный язык будет и дальше избавляться от книжных литературных штампов и канонических оборотов из прошлого. И будет развиваться в сторону приближения к повседневной речи и реальности как таковой. Но это означает не упрощение языка, а, наоборот, его оживление».

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ:

«У меня единственный прогноз: язык будет жить своей жизнью во взаимодействии с живой речью и другими языками. При этом у каждого настоящего писателя будет собственный язык, иногда обогащающий общую речь неологизмами и идиомами».

Материал подготовила Анна Демчикова.
Использованы иллюстрации из зина «Пушкин в городе» (совместный проект «Книгабайта», «Книг в городе» и издательства «Живет и работает», 2017)

Рисунок Валерия Полиенко

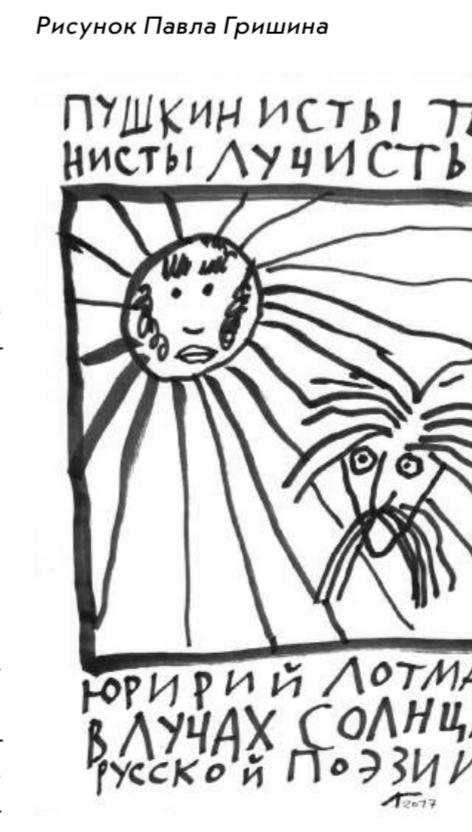

Рисунок Георгия Литичевского

ПРОШУ СЛОВА

Имею потребность высказать кое-какие неквалифицированные соображения по поводу только что опубликованного проекта новой русской орфографии.

Признаюсь, малость невдомёк: к че-му она, уже не первая на памяти моего поколения, реформа правописания? Столь утомительные для запоминания, малообоснованные, они с грустным удивлением воспринимаются братьями-литераторами и терпеливыми нашиими корректорами в особенности. Нельзя столь часто совершенствовать одно и то же, вострым ножом по живому телу. Надо по-божески, братцы, дайте и передохнуть немножко.

Стихия народного языка представляется мне громадным неспокойным морем, которое вечно колышется, меняется, поминутно всенепременно и бессонно бежит куда-то. Притом сквозь волну, чуть постихнет, всегда видна почти бездонная глубь, где таинственно возникает вдруг ступенчатая преемственность поколений, по которой читается последовательность интеллектуального развития нации, что так необходимо для её исторического самопознания и, следовательно, для её здоровья. И это очень хорошо, что язык просвечивает насквозь, что море это постоянно волнуется и кипит, бьётся в цепи скалы в поисках более удобных и соответственных бытию форм. В этом его отличие от мёртвых языков, где всё застыло, всё до алгебраичности статуарно и отвлечено... Нам, имеющим постоянное творческое соприкосновение с этой родной стихией, надлежит лишь к онтостро-вату уже прижившиеся перемены, — по счастью, нам и не дано иной возможности вмешиваться в этот процесс, кроме как с совершенственным голосом.

Таким образом, вопросы родной речи, как и начертания слов, которые для меня являются трепетной оболочкой мысли, решаются в недрах общенародной лаборатории, в процессе повседневной деятельности. В этом смысле нам, нынешним, бесконечно трудно предугадать, по какому руслу направится языковое творчество будущего, правописание в том числе. Пожалуй, давняя, начальная реформа отечественной орфографии, касательно ятей и твёрдых знаков, прошла так единогласно и относительно безболезненно потому, что, при очевидной необходимости своей, она была вдобавок превратом.

И в человеческом организме, кстати, также имеются застарелые и вспоминые патологии, вроде копчика или излишней на нынешнем уровне цивилизации волосяной щётки на щеке, но смотrite, с какой осторожностью природа ведёт нас по этапам своего неисповедимого совершенства. (К слову, какая прелестная темка для иного человека с переносом филологических рассуждений автора, скажем, в плоскости социологии!)

Грешен, эта тяга отрегулировать раз и навсегда непокорную вихрастую стихию напомнила мне одно смешное в двадцатых годах, сатирическое конечно, предложение вскипятить все наличные, имеющиеся в распоряжении рода людского водовомстелица, как то: пруды, дужки, океаны, тучки на сносях, ко-

лодцы и так далее, чтобы нигде не осталось более сырой воды, и одним ударом покончить раз и навсегда с проклятым источником желудочных заболеваний. Даже благороднейшее в замысле своём мероприятие должно сопровождаться хотя и белым подсчётом, во что оно обойдётся пациенту.

Жаль, что проект не сопровождён конкретными подписями его авторов. Анонимность орфографической комиссии и некоторые несомненные шедевры её работы вроде з а е ц, м я ш, н о ч дают мне основание предположить, что к обсуждению этого вопроса достигательными наклонениями и азблативами они не только помогали освоению родственных им или дочерних наречий, но как раз и применялись для упражнений девственного ума, подобно тому как нижегородские кожемяки поступали с бычьими кожами для придания им гибкости и лучшей пригодности в деле труда и обороны.

Прошли годы, и странное и непривычное стало привычным и обычным, естественным, а были нормальные описания стали казаться нелепыми. «Почему „хлъбъ“, если рядом „хлебать“?» Пойдёт недолгое время, и все мы будем писать «подъезд», «объект» и думать, что так всегда было. А впрочем, может быть, и не будем писать так. Ведь перед нами ещё не новые правила, а лишь проект новых правил. И нам, всем говорящим по-русски, предстоит обсудить и утвердить их.

Возможно, всё торопливо высказанное здесь и не во всём благозвучно, но, простите, бывают такие поводы, когда на площади в рельсе бьют.

Леонид Леонов
Цит. по: «Литературная газета». 1964.
№ 118 (4360). 3 октября. С. 2.

«В РЕЛЬСУ БЬЮТ»

В День русского языка мы решили вспомнить о несостоявшейся реформе русской орфографии. Тогда, в 1964 году, у этой реформы были и свои сторонники, и противники. В том числе и среди писателей, чьи мнения — надо заметить, зачастую радикально противоположные — печатали «Литературная газета».

следует массово, как говорится, выступить и братьям-читателям, для которых, надо полагать, небезразлично — спускать ли на свои книжные полки любимых классиков, перечёсанных на новый образец. Разные бывают упрощения, по разным поводам и оттого с прямо противоположными следствиями!

Осеню 1918 года на Большом проспекте Васильевского острова я, гимназист, встретил своего учителя «космографии». Высокий сутулый человек стоял у ограды петровских времён собора и внимательно читал наклеенное на ней Правительственное извещение, впервые напечатанное по новой орфографии.

— Ну как, Борис Иванович? — спросил я его почтительно, но уже на правах абитуриента, восьмиклассника.

— Да видите ли, Успенский, всё это хорошо, но очень затрудняет понимание... Вот напечатано «Дома — рабочим», а как установить, как это надо читать: «дома» или «дома»?

Я был озадачен, но минуту спустя всё-таки сказал:

— Борис Иванович, так это-то от новой орфографии не зависит. Это же и по старому правописанию было так!

Особенно трудно будет чтение стихов, так как в стихе на слове своеобразный нажим, своеобразное подчёркивание.

Старая орфография не помешала со-

ветским поэтам изменить систему риф-

мовки, несмотря на то, что она как бы

противоречила графическому изображе-

нию. Правильное графическое изобра-

жение, особенно в конце слов, будет ме-

шать эстетически привычному восприя-

тию.

Читывалась в «Предложениях по

совершенствованию орфографии»,

легко понять, что многие испытыва-

ют чувства, какие когда-то овладели

моим учителем: всё будет казаться

им странным, нелепым, безобразным... Как это «мышь» — без своего естественного хвоста, без мягкого знака? Как это «зоря», когда всегда была «заря»? Противно...

Мне хотелось бы, чтобы думающие так поверили: сорок шесть лет назад нам, тогдашним учителям и «писателям», то есть уже умевшим писать, таким же странными и нелепыми казались начертания без яти и твёрдого знака...

«Как это „змье“ будет теперь „змея“?» Это прямо, как будто у неё жало вырвались... «Как это вместо „дом“ надо писать „дом“?»

Прошли годы, и странное и непривычное стало привычным и обычным, естественным, а были нормальные описания стали казаться нелепыми. «Почему „хлъбъ“, если рядом „хлебать“?»

Пойдёт недолгое время, и все мы будем писать «подъезд», «объект» и думать, что так всегда было. А впрочем, может быть, и не будем писать так.

Возможно, всё торопливо высказанное здесь и не во всём благозвучно, но, простите, бывают такие поводы, когда на площади в рельсе бьют.

Лев Успенский
Опубл.: «Литературная газета». 1964.
№ 117 (4859). 1 октября. С. 2.

СТРАННОЕ И НЕПРИВЫЧНОЕ СТАНЕТ ПРИВЫЧНЫМ И ОБЫЧНЫМ

Осенью 1918 года на Большом проспекте Васильевского острова я, гимназист, встретил своего учителя «космографии». Высокий сутулый человек стоял у ограды петровских времён собора и внимательно читал наклеенное на ней Правительственное извещение, впервые напечатанное по новой орфографии. Тогда же коллективно рассчитывали, что строгие авторитетные инстанции не допустят выпуска изданий, которые потомкам придётся расценывать как заведомый полиграфический брак. (Впрочем, жаркие замечания эти не распространяются на ряд имеющихся в проекте вполне уместных уточнений, большинство которых и без того всегда разумелось само собою.)

Реформа правильная, но вводить её надо осторожно. Новая орфография, более точная, может вызвать у читателя противоречивое ощущение: по старой орфографии он читал привычно правильно; заново изображённое слово будет казаться неправильным.

Процесс чтения на довольно большой промежуток времени замедлится: слова не прочитываются, а узнаются целиком.

Особенно трудно будет чтение стихов, так как в стихе на слове своеобразный нажим, своеобразное подчёркивание.

Старая орфография не помешала со-ветским поэтам изменить систему риф-мовки, несмотря на то, что она как бы

противоречила графическому изображе-

нию. Правильное графическое изобра-

жение, особенно в конце слов, будет ме-

шать эстетически привычному восприя-

тию.

Виктор Шкловский
Цит. по: «Литературная газета». 1964.
№ 118 (4360). 3 октября. С. 2.

Сумеречный разговор

В летний сезон, прогуливаясь от станции к Дому творчества и обратно, можно буквально натолкнуться, а то и окунуться на неприятном попутчике — слизне. Фонетика под стать нашему герою, решившему вступить с человеком прогуливающимся в диалог. Записал разговор биолог и частый гость Переделкина Максим Бобровский.

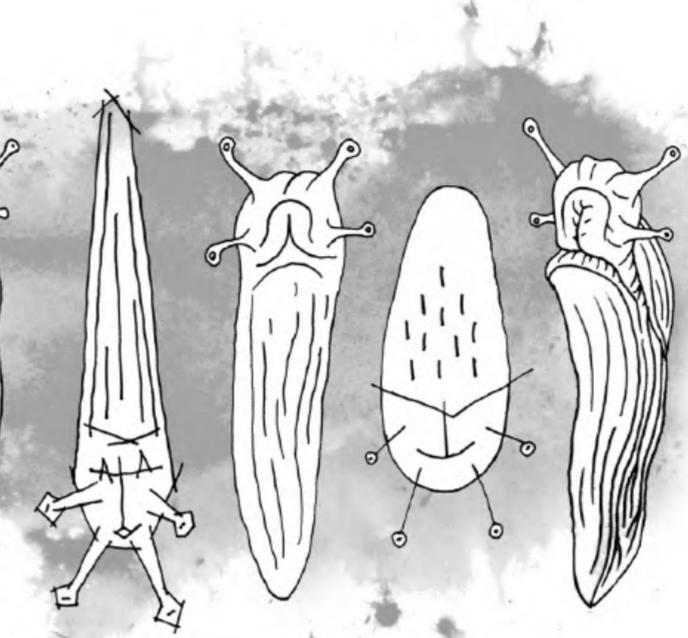

Рисунок Алексея Красновского

Долг путь до Типперэри, мой случайный попутчик. Здесь я, внизу, на обочине, в неверном свете фонаря. Видишь? Красивый, оранжевый. Ты брезгливо воскликнешь: «Слизняк!» Трудно удержаться от ответной метафоры. Не слизняк, а Arion vulgaris. Vulgaris значит «обыкновенный», хотя может ли быть тающим Арион? Помнишь, у Пушкина:

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою

Мой сосед — слизняк

Не только муки творчества омрачают жизнь переделкинца. Слизняк это делает не хуже.

А ведь было счастливое время, когда я ничего не знала о слизняках. Спросили бы вы меня тогда, что такое слизняк, и я вам ответила бы: что-то лесное, грибное, капустное, что-то маленькое, противенькое, как и название. А сейчас могу вам объяснить, чем лесной отличается от сетьчатого и что за зверь этот испанский слизень (и ещё какой зверь!). А знакомство с ним началось в один похожий июльский денёк, тогда я увидела удивительную картину: по улице Погодина со склона ползут сотни чёрных и рыжих длинных штуковин, а навстречу им из переулочка выдвигаются улитки. Я тогда и не подозревала, что стала свидетелем великой битвы испанских слизней, приплывших из других стран в газонные рулоны, с переделкинскими улитками, которую последние проиграли. С тех пор улитки какое-то время почти не было видно, зато слизни были везде. К ним даже привыкли. Вот такой лесной сосед, спасибо процессам глобализации и потепления. Но только когда я посадила свой первый салат, я поняла весь ужас этого соседства. Вечером молодой росточек был, а утром его уже не было. Ни ростка, ни корешка. Тут-то интернет и рассказал про их тысячи зубов, про их прожорливость и ядовитость. И про то, что в наших природных условиях у испанских слизней почти нет соперников. Их никто не ест. Ни звери, ни птицы. А вот они птиц есть очень могут, особенно маленьких птенчиков. Только ежи и утки-бегуны способны справиться с испанским слизнем, но их на участке ведь не удержишь. Тут и пришло углубиться во все способы борьбы с вредителем.

Добрые люди посоветовали сделать пивную яму: слизням, мол, очень нравится запах пива, они заползают в неё и тонут в пиве счастливые. Я попробовала. Напившись пива, довольные слизни уползали обратно в сад. Кажется, они даже становились чуть больше и быстрее.

Солите нещадно, посоветовали мне другие садоводы: соль разъедает тело моллюска, и он немедленно погиб фактически у вас на глазах. Сразу скажу, зелище это невыносимое.

К тому же соль остаётся в земле.

Посыпайте всё химпрепаратами, советовали третья. Например, гранулами «Грозы», содержащей металльдегид. Но если у вас на участке собака и ребёнок,

И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Да, это я, Арион, слизень испанский дорожный. Последнее имя мне нравится больше — перефразируя: в движенье слизень жизни ведёт. И какой уж испанский, в Жироне была лишь одна из остановок. Люди говорят: «Индродуент». Я говорю: «Экспат, при этом вечный экспат». Поскольку, увы, место исходного обитания неизвестно.

Семейное предание говорит, что в 2009 году наши предки высадились в промысленных теплицах Твери, откуда потихоньку двинулись на Москву. Такой запоздалый ответ Ивану Калите.

Как видишь, активны мы в основном по ночам и рано утром. Любимое время — через два-три часа после захода солнца. В пасмурные и дождливые дни можем показаться и днём. Как истинные скитальцы, непрятательны по части еды. Конечно, есть любимые блюда: капуста, свёкла, редис, морковь, петрушка. Но благодаря компаньонам, симбиотическим бактериям, способным питаться почти чистой цеплюзой. Считай, корой или опилками. Если совсем тух, месяц-полтора можем обходиться без пищи.

Как отличить мальчика от девочки? Вопрос выдаёт существо, отягощённое разделением гендеров. Мы ближе к началу творения, гермафрорды, гонцы эпохи до грехопадения. При этом можем размножаться половыми путём или самоплодотворением. Между прочим, у нас сложнейшие брачные танцы. Танец начинается, когда первый из ползущих делает полный круг и следует за своим партнёром. Мы приближаемся друг к другу правым боком и начинаем кружение. Двигаемся быстро, совершая круги по часовой стрелке вокруг одной и той же точки и выделяя большое количество слизи. Слизываем слизь с боков и хвостовых частей... Достаточно? Ну как хочешь.

На всякий случай должен предупредить, что мы достаточно живучи. Конечно, люди придумали много способов лишить нас и без того краткой жизни: обезглавливать ножницами или лопатой, заливать кипятком или солёной водой, даже замораживать. Яды? Конечно, они эффективны, но с нами вместе исчезнут остальные моллюски и те, кто ими питается.

Надеюсь, у тебя нет с собой перчаток и ножниц? Голыми руками брать не со-ветую. Кроме симбионтов, во мне путеше-ствуют кишечная палочка, бычий и крысиный цепни, нематоды. И да, мы моллюски. «И скорей, чем турист, готовый нажать на спуск камеры в тот момент, когда ландшафт волнист, во мне говорит моллюск».

Зачем я тебе всё это говорю? Во-первых, ты слишком бодро насытился, со станици. Многие знания — хороший способ тебя опечалить. А во-вторых, настало лето. Мои пока крохотные сородичи вылупляются из яиц. Моллюски вокруг тебя. Ощущай себя на дне. И не забудь надеть перчатки.

это тоже не лучший метод. К тому же на

ОТМЕТКА МЕЖДУ ДВУМЯ СТАНЦИЯМИ

С тридцатых годов прошлого века на берегу реки Вори строилась колония художников Ново-Абрамцево. Потомственный житель посёлка и работник музея-заповедника «Мураново» Марина Тавасиева рассказывает о том, чем жили его обитатели раньше и как продолжаются их традиции теперь.

Однажды в доме отдыха для работников культуры, который тогда располагался на территории теперешнего музея-заповедника «Абрамцево», встретились скульптор Сосланбек Тавасиев, живописец и поэт Павел Радимов и доктор Владимир Успенский, бывший главным врачом этого дома отдыха. Проникнувшись духом Абрамцева, вдохновившись историей мамонтовского кружка, они стали мечтать о том, чтобы продолжить традицию и создать здесь новую колонию художников. Поселение задумывалось ими не как дачный посёлок, а как летние мастерские, где они могли бы работать и преподавать. Идея эта понравилась не только художникам, но и советскому правительству. При ходатайстве Игоря Грабаря была выделена земля на противоположном берегу реки Вори. А в 1934 году уже появились первые дома. Для каждого будущего жителя строился дом, в проекте которого учитывалась специфика творческой деятельности. Например, для скульптора — высокие потолки, для живописца — большие окна с солнечной стороны. Обитателями посёлка становились выдающиеся художники. Помимо уже упомянутых Тавасиева, Радимова, Успенского и Грабаря, к коллективу присоединились скульпторы Вера Мухина, Борис Королёв, живописцы Евгений Канцман, Борис Иогансон, Илья Машков, Александр Парамонов, Борис Зинкевич, Виктор Перельман, архитектор Дмитрий Осипов. Как и задумы-

валось, художники активно взялись за просветительскую деятельность, проводя выставки, лекции, встречи с местным населением.

На балансе у посёлка числилась лошадка, немолодой мерин по имени Мальчик. В домике Мальчика — он имел в своём распоряжении большой сарай — Павел Радимов начинает устраивать выставки, которые мог посетить любой желающий. Стоит напомнить, что Павел Александрович Радимов, поэт, друг и «соратник» Есенина, удивительного таланта живописца, последний председатель товарищества передвижников, весельчак, душа компании, в гости к которому, по семейной легенде, приезжал сам Ворошилов. Со временем, уже к шестидесятым годам, этот сарайчик перешёл во владение дочери Радимова Татьяне и превратился в жилой дом. Дом Татьяны Павловны с прозрачным сетчатым забором и постоянно распахнутыми воротами был известен своим гостеприимством. Заянтию: из всего радимовского недвижимого имущества именно он выжил, и этот насконо перестроенный под жильё сарай стоит до сих пор и выглядит как настоящий дом.

Игорь Эммануилович Грабарь, ревностный, искусствовед, просветитель, о жизненном пути которого можно писать романы, первые годы жил в посёлке Художников. Однако позже он перебрался в расположенный неподалёку, по другую сторону от музея, Посёлок Академиков, посчитав,

что две дачи в одних руках иметь не прилично. Одним из первых в посёлке в 1935 году Сосланбек Дафаевич Тавасиев, мой дедушка, герой Гражданской войны, жизнь и творчество которого были наполнены подвигом, строит по собственному плану дом, в котором я обитаю по сей день. В доме изначально было спроектирована комната для школьных занятий, и даже были закуплены столы. К сожалению, вскорости начавшаяся война порушила эти планы: школа не состоялась, и эти столы мы «донашивали» практически до начала текущего века.

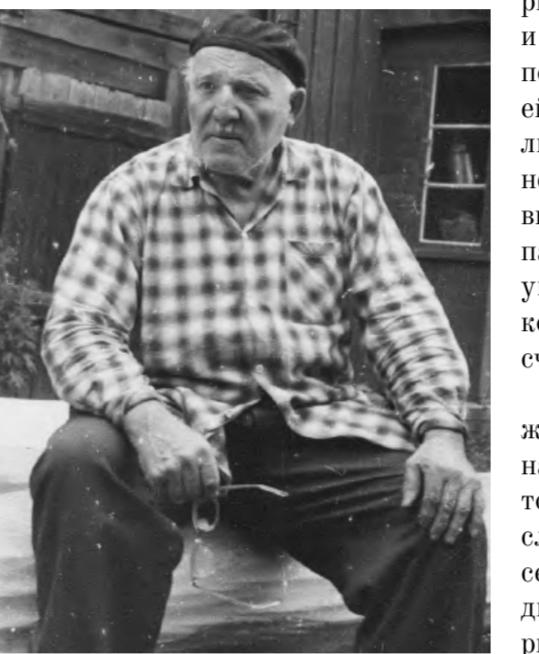
Великая Отечественная война, конечно же, повлияла на жизнь посёлка. Вражеские самолёты сбрасывали бомбы совсем рядом, около теперешней станции Абрамцево, где и сейчас заметны воронки: бомбы наши стратегически важный железнодорожный мост. Вот страшная история, которую рассказывали у нас в семье. Когда бабушка Марина с маленьким сыном, моим отцом, шла домой с поезда, она немного замешкалась, в то время как семья Радимова — его жена Матрёна и сын Сергей — сильно ушла вперёд. Пролетавший фашистский бомбардировщикбросил два снаряда. Бомбы разорвались в пяти метрах от железнодорожного полотна и так близко к Радимовым, что Сергей, который тогда был совсем маленьким, настолько испугался, что заикался всю оставшуюся жизнь.

После войны наши семьи выручили огорода, без которого было бы по-

Р.С. Тавасиев в воротах, конец 1950-х — начало 1960-х

которым я бесцеремонно забредала, считая всех «своими». Детство, прошедшее босиком. Приезжая в апреле, мы уезжали с дачи только к первому снегу. «А как же школа?» — справедливо спросите вы. А никак. Приходилось догонять класс на ходу. Мама как-то умела договариваться с учительницами, считая, что свежий воздух нам полезнее. К счастью, мы с братом достаточно сообразительные, и на учёбе, особенно в начальной школе, это

Сосланбек Тавасиев около своего дома в Абрамцеве, начало 1970-х

ническое побега пришло внезапно, времени подготовиться не было. Поэтому я взяла с собой только самое нужное. Первое — это раскладушка, ведь спать на земле сырь и опасно, а второе, я напомню, что обед был ещё в процессе приготовления, — это репа с нашего огорода. Устроившись на раскладушке в тени орешника, я с ужасом поняла, что репа немытая. Но что делать, жизнь беглеца полна опасностей. Почистив зубами репку от кожуры, я признала официально её чистой и благополучно слопала. Без репки побег перестал казаться хорошей идеей, и я решила вернуться домой. Надо ли говорить, что демарш мой остался незамеченным, однако навсегда оставил во мне уверенность, что я «не пропаду». Возвращение же моё было триумфальным — ровно к обеду, который, конечно же, был гораздо вкуснее нечастной репки.

Кстати, о репе. Одной из заметных жительниц посёлка была Вера Игнатьевна Мухина, женщина-скульптор, сильная и красивая личность. Её славные потомки по сию пору наши соседи. В семье Мухиных-Замковых ходит легенда, что якобы именно для Веры Игнатьевны её муж, знаменитый тогда врач Алексей Замков, один из прообразов булгаковского профессора Преображенского, выбил у государства постройку станции, получившей впоследствии название Абрамцево. Легенда красивая, но не совсем верная. Тот 57-й километр не был полноценной детской счастья был всё тот же огород. Выйдя из дома, можно было ухватить огуречник с грядки и продолжить свой путь в направлении очень важных детских дел.

Однажды семейные обстоятельства сложились так, что я навсегда ушла из дома. Лет мне было около восьми, мама готовила обед, папа работал в мастерской, не помню, чем был занят брат, но я почувствовала отчаяние одиночества и ненужности и решила покинуть этот приют уныния. А так как реше-

ния побега пришло внезапно, времени подготовиться не было. Поэтому я взяла с собой только самое нужное. Первое — это раскладушка, ведь спать на земле сырь и опасно, а второе, я напомню, что обед был ещё в процессе приготовления, — это репа с нашего огорода. Устроившись на раскладушке в тени орешника, я с ужасом поняла, что репа немытая. Но что делать, жизнь беглеца полна опасностей. Почистив зубами репку от кожуры, я признала официально её чистой и благополучно слопала. Без репки побег перестал казаться хорошей идеей, и я решила вернуться домой. Надо ли говорить, что демарш мой остался незамеченным, однако навсегда оставил во мне уверенность, что я «не пропаду». Возвращение же моё было триумфальным — ровно к обеду, который, конечно же, был гораздо вкуснее нечастной репки.

Кстати, о репе. Одной из заметных жительниц посёлка была Вера Игнатьевна Мухина, женщина-скульптор, сильная и красивая личность. Её славные потомки по сию пору наши соседи. В семье Мухиных-Замковых ходит легенда, что якобы именно для Веры Игнатьевны её муж, знаменитый тогда врач Алексей Замков, один из прообразов булгаковского профессора Преображенского, выбил у государства постройку станции, получившей впоследствии название Абрамцево. Легенда красивая, но не совсем верная. Тот 57-й километр не был полноценной детской счастья был всё тот же огород. Выйдя из дома, можно было ухватить огуречник с грядки и продолжить свой путь в направлении очень важных детских дел.

Однажды семейные обстоятельства сложились так, что я навсегда ушла из дома. Лет мне было около восьми, мама готовила обед, папа работал в мастерской, не помню, чем был занят брат, но я почувствовала отчаяние одиночества и ненужности и решила покинуть этот приют уныния. А так как реше-

ния побега пришло внезапно, времени подготовиться не было. Поэтому я взяла с собой только самое нужное. Первое — это раскладушка, ведь спать на земле сырь и опасно, а второе, я напомню, что обед был ещё в процессе приготовления, — это репа с нашего огорода. Устроившись на раскладушке в тени орешника, я с ужасом поняла, что репа немытая. Но что делать, жизнь беглеца полна опасностей. Почистив зубами репку от кожуры, я признала официально её чистой и благополучно слопала. Без репки побег перестал казаться хорошей идеей, и я решила вернуться домой. Надо ли говорить, что демарш мой остался незамеченным, однако навсегда оставил во мне уверенность, что я «не пропаду». Возвращение же моё было триумфальным — ровно к обеду, который, конечно же, был гораздо вкуснее нечастной репки.

Кстати, о репе. Одной из заметных жительниц посёлка была Вера Игнатьевна Мухина, женщина-скульптор, сильная и красивая личность. Её славные потомки по сию пору наши соседи. В семье Мухиных-Замковых ходит легенда, что якобы именно для Веры Игнатьевны её муж, знаменитый тогда врач Алексей Замков, один из прообразов булгаковского профессора Преображенского, выбил у государства постройку станции, получившей впоследствии название Абрамцево. Легенда красивая, но не совсем верная. Тот 57-й километр не был полноценной детской счастья был всё тот же огород. Выйдя из дома, можно было ухватить огуречник с грядки и продолжить свой путь в направлении очень важных детских дел.

Однажды семейные обстоятельства сложились так, что я навсегда ушла из дома. Лет мне было около восьми, мама готовила обед, папа работал в мастерской, не помню, чем был занят брат, но я почувствовала отчаяние одиночества и ненужности и решила покинуть этот приют уныния. А так как реше-

ЧЕМ ПАХНУТ ДАЧНИКИ

Меня зовут Лотта. Я собака. Алабайка. Живу в Абрамцеве. Я самая большая собака в нашем посёлке.

За рекой живёт другая большая собака. Ротвейлер Борис. Он старше и немного меньше меня. Мы с ним никогда не виделись, но часто общаемся голосами. За двумя заборами и оврагом в нашем посёлке живут две другие собаки. Они доберманы. Они тоже большие, но меньше меня и Бориса. Их зовут Оша и Гера.

С ними мы довольно часто видимся. Они иногда прибегают к моему забору полаять.

Их забор ветхий, и они часто убегают на улицу. На улице у нас в посёлке есть лес, мощёная дорожка и за самым большим оврагом железнодорожная станция с электричками. Там я никогда не была, но несколько раз ходила мимо. Электрички очень большие, громкие и тяжёлые. В них очень много людей.

Оша и Гера — мои подруги. Они очень известные собаки. О них писали «ВКонтакте». И все их знают. Когда они убегают на дорожку, люди их фотографируют и боятся. И потом, конечно, пишут «ВКонтакте» о них. Оша и Гера это нравится.

Так устроено, что собаке нужно убежать из дома или покусать кого-нибудь, чтобы о ней написали другие люди. Обо мне никто, кроме моих хозяев, не писал «ВКонтакте».

И когда газета попросила меня написать о себе и о моей жизни в Абрамцеве, я с большой радостью согласилась. Хотя писать мне трудно, а голосовые сообщения газеты отказались принимать.

Жить в Абрамцеве очень хорошо. У меня большая территория. И интерес-

ные соседи. В дом за верхним забором часто приезжают на выходные разные люди, и у них очень интересные и разные запахи. Кажется, там сдают да-чу дачникам. На них очень интересно лаять. Дачники часто снимают дачи по картинке и не знают, что за забором живу я. Большая собака. Это сюрприз.

За забором справа живут соседи, у которых одинаковый запах уже много-много лет. Раньше, когда я была маленькой, они часто ругались. Громче, чем я лаяю. Сейчас стали старыми и не ругаются, но по-прежнему пахнут спиртом.

За забором, внизу участка, мой любимый забор. Он из сетки и совсем прозрачный. Там лаять на соседей ещё интереснее, чем через глухой забор на-верху. Очень жаль, что соседи снизу приезжают не так часто. Но когда приезжают, бывает весело. Они интересно пахнут и разговаривают со мной, когда я лаяю на них. Мы друзья.

Слева у нас тоже очень интересный забор. Часть его из прозрачной сетки, часть металлическая и часть деревянная. Сюда и прибегают вечером полаять вместе Оша и Гера. Только не каждый день у них это получается. Иногда хо-зяева всё-таки их ловят.

Мне нравится охранять мой дом. Он большой и красивый. Я его охраняю от всех вокруг. От соседей, электричек, птиц, белок. От всех.

Мне очень нравятся лягушки. Они очень интересно передвигаются — прыжками. С ними очень весело играть. Я люблю прыгать, а, кроме лягушек, никто из моих знакомых не прыгает. Только белки. Но они живут на деревьях. По деревьям прыгать я не умею.

Приезжайте к нам в гости в Абрамцево. Будет очень интересно понюхать вас и поиграть с вами.

Помог Лотте записать рассказ художник Ростан Тавасиев

Дом Тавасиевых в Абрамцеве, 1950-е

ПИЛИП-ПИЛИП!!!

Чем занимаются писатели в Переделкине? Понятное дело, пишут. Но не только: Пастернак, например, копал картошку, Леонов ухаживал за своей оранжереей. А вот семейство Вороновых выращивает птиц.

Николай Павлович Воронов и петух Брама, предположительно 1986 год

...С птицами нас, Вороновых, связывает какое-то особое родство, наверное, всё дело в крылатой фамилии...

Из года в год наши просторы наполняют кукареканье петуха, кудахтанные кур, едва уловимое слухом шипение индоуток... Кажется, что без такого живья нам уже точно не обойтись... А всё началось с того, что племяннику мужа его друзья лет 14 назад в шутку на день рождения в московскую квартиру на Большой Ордынке торжественно внесли огромную коробку, перевязанную ленточкой, в которой оказался... молодой испуганный петух.

Племянник, недолго раздумывая, передал нам в Переделкино бедную птицу, которая тут же вылетела из убежища и отправилась путешествовать по соседским участкам... Слава богу, с трудом выловили Петю, но он приуныл одинёшенек в сарайчике, и пришло ему завести молодок, которые вскоре начали нестись и громко оповещали об этом округу квохтаньем...

Крылатой родне очень обрадовался мой свёкёр, писатель-правдолюб Николай Воронов, научивший распознавать нас ту или иную диковинную птицу по голосу, полёту и оперению... Он показывал в лесу зарянку, прозванную в народе малиновкой, — маленькую юркую птичку с оранжевым горлышком, которая, оказывается, прилетает на голова детей... Её благозвучное пение напоминает «перекатывание дробинок в хрустальном стакане».

Сойку, птицу семейства врановых с голубизной в крыльях, словно спускающую лоскутки небес на землю... Огромного чёрного дятла желну, главного лесного врачевателя, протяжно кричащего, Воронов приветствовал своими стихами:

Дядя Лёша, здравствуй, здравствуй!

Ты над лесом царствуй, царствуй!
Лес старательно лечил,
Вот и царство получил...

Свёкёр и мои дочки, его внучки, однажды позвали меня на крылечко послушать, как дрозд-пересмешник повторяет в воздухе «пилик-пилик!» На соседнюю дачу приехал Филипп — младой историк, сын известного актёра Георгия Тараторкина и внук советского прозаика Георгия Маркова, и кто-то из родных его позвал по имени. Дрозд же, подслушав, оповестил переделкинцев об этой новости...

Кстати, в детстве Николай Воронов был страстным голубятником, а через годы вышла из-под его пера повесть «Голубиная охота», о которой легендарный Твардовский писал:

«Очень порадовался „Голубиной охоте“, настоящая поэзия!»

Кстати, ещё одного своего учителя и старшего друга, Валентина Катаева, Николай Воронов как-то вписал в птичью родню — проходя мимо его переделкинской дачи, заприметил в окне на втором этаже, а через какое-то время записал: «Катаев, словно шоколадноглазый скворец, выглядывает из своего скворечника...»

На чёрно-белой фотографии конца 80-х свёкёр Николай Воронов и петух Брама на даче в Переделкине.

Ему Николай Павлович посвятил

потрясающий живой рассказ «БРАМА»:

Обнаружилось, что он из индийской породы брамапутра. Высок. Тёмные оплечья. Гребень низкий, вытянутой короной. Хвост короткий, серпообразный, чёрные перья с зелёным отливом. Я дал петушку имя Брама. Что петушок из породы брамапутра, поведала нам соседка.

Брама не страшился трёхбородого пса Рыжика и пышного, с дремучей мордой кота Маркиза Кис-Киса. Он шевырялся клювом в шерсти Рыжика и Маркиза Кис-Киса, выдирал пух, скатавшийся до колтухов. Милотой уютного облика Брама вызывал желание взять его на руки, оглаживать шею и зоб, обычно полупустой. Не был он жорким, впрочем, объедаловка не свойственна петухам. Он постанивал, рассматривая деревья, птиц, небо. Почему-то он выделял ёлки, поэтому первая попытка закукарекать произошла у него в ельнике.

...Но самым ручным петухом семейства Вороновых оказался Адмирал в белом кителе, уже не соседский, а наш, неповторимый! Царственный, роскошный, колоритный, при этом спокойно сидевший на руках, он был смиренным и преданным другом. Адмирал прожил длинную, звонкую, счастливую петушиную жизнь, занимался курочками, но, увы, три года назад, страдая болезнью ног, угас — видимо, вспорхнул на небеса, превратившись в белопenneе нежное облако...

Инна Воскобойникова-Воронова

ЧТО ПИШУТ

Переделкинские литераторы рассказывают, над чем сейчас ведут работу

Ирина Костарева:

писательница, резидент Дома творчества Переделкино, Москва

«Сегодня я написала 4000 знаков в мой кросс-жанровый текст про женщин, которые любили воду. Это моя вторая книга, она будет сильно отличаться от первого романа „Побеги“, который написан в жанре магического реализма. В „водной книге“ я исследую биографии женщин — реальных исторических персонажек — через их взаимоотношения с водой и размышляю о своей связи с этой стихией. Сейчас я работаю над главой про Марту Боннар, она была музой и немножко художницей, а ещё минимум час в день принимала ванну. Лечилась так от астмы, ну и просто любила. Здесь мы с ней похожи».

Рамиль Хадиуллин,
Антон Ермолин:

режиссёры, сценаристы, резиденты Дома творчества Переделкино, Йошкар-Ола, Усть-Цильма

«Сценарий, который начинался в Переделкине, „Мы пришли вам помочь“ пока не встал на лыжи и после мытарств с разными продюсерами до сих пор в разработке. Зато драма „О рыбах“, которую я начинал там же, в Переделкине, а писал в вашем коворкинге, снята Тимофеем Анисимовым и скоро родится в какой-нибудь фестиваль (благодарность в титрах —

обязательно). А ещё тогда в Переделкине работал над „Семейным счастьем“, но моё участие не срослось. Как и прежде, с Антоном практикуем заявки. Например, в разработке трагикомедия про нехорошего мента, которого вдруг все начинают любить из-за влияния микроволн („Микроволны“), или триллер по мотивам андреевского рассказа „Он“».

Елена Исаева:
поэт и драматург

«Не люблю говорить, над чем работаю, пока не закончу. Могу рассказать, что уже репетируется. Во МХАТе Горького Галина Полищук готовит к выпуску второй спектакль про Есенина (по книге Захара Прилепина). На самом деле в книге собрано столько материала, что хватило бы ещё на несколько пьес. Но в этот раз захотелось сконцентрироваться на менее известных моментах его биографии. Думаю, для массового зрителя будет новостью, что во время Германской ещё совсем юный поэт служил санитаром в поезде, который возил с фронта раненых, посвящал стихи великой княжне, а потом спасал от мучижского бунта свою романтическую подростковую любовь — помещицу Лидию Кашину... Мало кто читал об отношениях поэта с молодыми поэтессами Катей Эйгес и Надей Вольпин. А ведь Надя родила от него сына. Конечно, все наизусть помнят цикл

„Исповедь хулигана“, но что реально происходило между Есениным и Миклашевской? Почему в свой последний год он цеплялся за неё как за соломинку? Но Августа сама едва держалась на плаву и этой ноши не вынесла бы... Что нас спасает и что губит? Вопросы простые. Ищем ответы».

Марина Чуфистова:

писательница, резидент Дома творчества Переделкино, Ростов-на-Дону

«Недавно я закончила черновик романа „Отец Серёжа“, писала его в резиденции. Это история православного священника, божьей милостью оказавшегося в маленьком городке на юге России. Он сталкивается не только с проблемами прихода, но и с собственным кризисом веры».

Олег Вялов:

писатель, резидент Дома творчества Переделкино, Томск

«В последнее время переключился с более-менее крупной вещи о русских катаржниках (вероятно, выйдет повесть) на небольшой рассказик о Переделкине — точнее, действие разворачивается именно там (в разных временных плоскостях), но содержательно текст не совсем об этом. Об исторической справедливости. И возможно, её в принципе. Конечно, этот замысел — дар апрельской резиденции. И вот по живому следу я пишу рассказ, пропитанный переделкинским духом, где читатель легко узнает истории Пастернака, Пильняка, Фадеева, и всё это — неожиданно для меня самого — со шлейфом античности».

ГАЗЕТА «ПЕРЕРЫВ»

Главный редактор: Денис Крюков

Арт-директор: Юлия Дикевич

Над номером работали:

Наталья Бакшаева, Дарья Беглова, Максим Бобровский, Инна Воскобойникова-Воронова, Екатерина Гуляева, Дмитрий Данилов, Анна Демчикова, Михаил Котомин, Алексей Красновский, Пахом, Марина Тавасиева, Ростан Тавасиев, Дмитрий Цыганов

Корректорское бюро «Ёлки-палки»

Отпечатано в АО «Коломенская типография»

Адрес: ДСК «Мичуринец», поселение

Внуковское, ул. Погодина, 4

Дом творчества Переделкино

info@pro-peredelkino.org

+ 7 (916) 260-94-88

События и новости
Дома творчества

«Телеграм»

«ВКонтакте»

YouTube